
ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

В. А. Голобуцкий

1. В панской неволе

Запорожское казачество оставило яркий след в истории. Этим и объясняется огромный интерес к нему. Когда и при каких обстоятельствах появились на общественной арене запорожские казаки? Для ответа на этот вопрос обратимся к событиям XV—XVI веков. В то время в Польше и Великом княжестве Литовском, в состав которых входила тогда основная часть украинских земель, наметились важные перемены. Углублялось общественное разделение труда, и как следствие этого росли города, развивались товарно-денежные отношения. Феодалское хозяйство все сильнее втягивалось в рыночные связи. Теперь легче было продать на городском рынке деревенские продукты и на вырученные деньги купить произведения городского ремесла, а также заморские товары. Под влиянием укреплявшихся экономических связей деревни с городом стали меняться долго господствовавшие вкусы и привычки. Перестраивался мало-помалу быт польских и литовских панов. Хоромы, сколоченные деревенскими плотниками, они стремились заменить просторными и красивыми домами и дворцами, обставить их дорогой мебелью, украсить коврами, зеркалами. Паны стали носить дорогую одежду, приобретать дорогое оружие, серебряную и золотую посуду. На барском столе появились венгерские вина и восточные пряности.

Для удовлетворения этих возросших потребностей нужны были деньги. А получить их можно было, лишь увеличивая доходы. Поэтому феодалы повышали натуральные оброки и продавали полученные продукты своего и крестьянского хозяйства. Рос (или вводился там, где его не было прежде) и денежный оброк, что заставляло крестьян тоже сбывать часть своей продукции на рынке. Но этого было недостаточно. Феодалы стали менять формы ведения хозяйства. Все большее значение приобретает фольварк (собственное хозяйство феодала). Под фольварки отводились лучшие угодья, обычно отнимавшиеся у крестьян. Постепенно фольварки превращались в многоотраслевые хозяйства, где рядом с земледелием развивалось скотоводство, разные промыслы, переработка сельскохозяйственных продуктов. С появлением фольварков менялись методы эксплуатации крестьян, росла барщина. Крестьян заставляли работать на фольварке, чаще всего в страдную пору, несколько дней в неделю. Одновременно сокращались крестьянские наделы. Усиление эксплуатации крестьян вызывало протест с их стороны. Феодалы, чтобы держать в повиновении своих подданных, старались расширить над ними свою власть. Неуклонно рос крепостнический гнет.

Кроме барщины и оброков, на крестьян ложилось бремя государственных повинностей и податей, связанных с наймом и содержанием войск, строительством и ремонтом крепостей, мостов. Все это ставило их в очень тяжелое положение. Немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн, посетивший Польшу и Литву в начале XVI в., писал: «Со времени Витовта вплоть до наших дней они (крестьяне.— В. Г.) пребывают в настолько суровом рабстве, что если кто из них будет случайно приговорен к смерти, то он обязан по приказу господина казнить сам себя... Если же он случайно откажется исполнить это, то его жестоко высекут... и все-таки повесят». Нунций Руджиери, составивший для Ватикана «Описание Польши» (середина XVI в.),

также замечал: «Можно смело сказать что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет (крестьянин.— В. Г.)»¹.

Расширение фольварков за счет крестьянских угодий и усиление эксплуатации крестьян, а также вовлечение крестьянского хозяйства в рыночные связи углубляли имущественное неравенство на селе. Все чаще появлялись крестьяне, частично или полностью лишенные своих наделов, — загородники, коморники. Одновременно существовала небольшая прослойка богатых крестьян, начинавших эксплуатировать своих разоренных односельчан.

Социальный гнет усиливался и в городах. Большинство городов принадлежало светским и духовным феодалам, в пользу которых мещане несли многочисленные повинности, часто не отличавшиеся от крестьянских. В подобном положении находились и мещане королевских и великокняжеских городов. Недовольные своим положением горожане боролись за освобождение от власти феодалов, за самоуправление.

Тяжелое социальное угнетение, которому подвергались украинские крестьяне и широкие слои мещанства, усугублялось национальным гнетом и религиозными преследованиями. Все это дополнялось царившей в Польше и Литве феодальной анархией, произволом магнатов. Они не только вели борьбу друг с другом, но и с королевской властью. Крупные феодалы противились созданию сильного постоянного войска, подчиненного королю, что не только ослабляло его власть, но и оборону государства. Юго-восточные области Польши и Литвы, то есть Украина, оставались незащищенными. Вторжения татарских орд, поддерживаемых Турцией, стали обычным явлением, превратились в страшное бедствие для украинского народа. Тысячи пленников угонялись в Крым на невольничьи рынки. Свидетели одного из набегов (середина XVI в.) так описали расправу вторгшихся захватчиков с местным населением: «Мы видели, как их убивали, обезглавливали, разбрасывали их отрубленные члены и головы; жестокий враг бросал в огонь их трепещущие сердца, вырывал их легкие и обнажал внутренности»².

Рост крепостничества и национального угнетения встречал мужественный отпор со стороны народных масс Украины. Известный польский публицист, современник событий А. Фрич-Моджевский с полным основанием заметил: «Сколько у шляхты подданных, столько у нее и врагов»³. Сопrotивление крестьян выливалось в восстания, охватывавшие целые округа. В 1490 г. у молдавской границы вспыхнуло и затем разлилось по всей Галиции грозное восстание Мухи. Для подавления его было созвано посполитое рушенье и призваны военные отряды из Пруссии. Одной из наиболее распространенных форм протеста крестьян было бегство. Крестьяне, а также мещане группами, а порой и целыми селениями уходили в почти безлюдные тогда восточные и юго-восточные окраины Подолии, Брацлавщины, Киевщины. Бегство, принявшее заметные размеры уже во второй половине XV в. и в XVI в., стало вызывать серьезное беспокойство у феодалов.

2. Появление казачества

Отдельные феодалы и государственные власти прилагали большие усилия, чтобы прекратить бегство. Со второй половины XV в. законы против беглых следовали один за другим. Согласно Судебнику великого князя Казимира Ягеллона от 1467 г., лица, подстрекавшие крестьян к бегству, подлежали смертной казни через повешение. Бегство, однако, не только не прекратилось, но еще более усилилось. На новых местах беглые объявляли себя вольными людьми — казаками. Позднее польский хронист С. Грондский (XVII в.) так описывал это явление: «Те из русского народа, которые... не хотели влачить ярмо и терпеть власть местных панов, уходили в далекие края, к тому времени еще не заселенные, и присваивали себе право на свободу... основывали новые колонии и, чтобы отличаться от подданных, принадлежавших... панам, стали именовать себя казаками»⁴.

¹ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб. 1908, стр. 173; «Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690». Т. I. В.— Poznań. 1864, стр. 128—129.

² «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. I. Киев. 1890, стр. 22.

³ «Польские мыслители эпохи Возрождения». М. 1960.

⁴ S. Grondski. Historia belli cosacco-polonici. Pestini. 1789, p. 15.

Во второй половине XV в. и в первой половине XVI в. на днепровском Правобережье — в верховьях Южного Буга, по Собу, Сипюхе, Роси, Тямину, а также на левом берегу Днепра — вдоль Трубежа, Сулы, Псла и в других местах появилось немало казачьих слобод и хуторов. Говоря о колонизации украинских пограничных земель беглыми крестьянами, современники событий отмечали, что многолюдные некогда местечки и села срединных областей страны совсем запустели, а необитаемые раньше пространства наполнились жителями к неопишуемому вреду их прежних владельцев. Примерно около этого же времени появляется казачество и на Дону, Яике и в других районах. О казаках на Подолии имеются сведения уже от 80-х годов XV века. Известный польский хронист Мартин Бельский, описывая поход Яна Альбрехта, сына Казимира IV, в Восточную Подолию в 1489 г., предпринятый против татар, пришел к заключению, что польское войско могло успешно продвигаться в подольских степях лишь благодаря тому, что проводниками его были тамошние казаки, хорошо знавшие свои места⁵. Пока не будут найдены другие данные, это упоминание следует считать первым документальным известием об украинских казаках. Самые ранние сведения о казаках на Киевщине относятся к 1492 г., а затем, причем более выразительные, — к 1499 году⁶. Хотя первые письменные свидетельства о казаках датируются лишь концом XV в., казачество, естественно, возникло раньше.

Казачья колонизация южноукраинских степей имела важное экономическое значение. Ценою огромных усилий казаки отвоевывали у природы ее дары: распахивали целинные земли, заросшие исполинской тырсой и терновником, прокладывали дороги, строили мосты, основывали поселения, разводили сады. Казаки не только положили начало земледелию в степном крае. В казачьих местах стали успешно развиваться скотоводство, промыслы (рыболовство, звероловство, селитроварение), ремесло, торговля. Позднее француз Боплан, живший на Украине в первой половине XVII в., так охарактеризовал значение казачьей колонизации: «Местное народонаселение ...так далеко отодвинуло его (государства. — В. Г.) границы и приложило столько усилий к обработке пустынных земель... что в настоящее время их необыкновенное плодородие составляет главный источник дохода... государства»⁷. Казачьи слободы и хутора отличались известным благосостоянием сравнительно с селами крепостных крестьян. Это и понятно: свободный поселенец был более заинтересован в повышении производительности своего труда, чем подневольный человек. Память о первых казачьих слободах, не знавших над собой власти крепостников, отразилась и в народных песнях.

Конечно, во многих песнях запечатлелась не столько реальная действительность, сколько желание видеть ее таковою. На самом деле не все казаки находились в одинаковом положении. Экономическое неравенство в среде казачества появилось одновременно с его возникновением. Дело в том, что в казаки бежали разные по своему социальному положению элементы. Наряду с бедными людьми на новые места переселялись со своим имуществом также крестьяне и ремесленники, имевшие средства для ведения самостоятельного хозяйства. Наконец, среди беглых было немало зажиточных и богатых. О них С. Грондский писал: «Наиболее состоятельные из крестьян, даже отцы семейств, накопив известное имущество, забирали его и, не спрося разрешения у своих панов, устремлялись в казаки, откуда их было невозможно вернуть»⁸. Более того, богатые крестьяне и ремесленники нередко бежали вместе со своими наймитами. На новых местах экономическое неравенство не только сохранялось, но и углублялось. Богачи и здесь эксплуатировали бедняков. Наличие батраков-наймитов у казаков в первой половине XVI в. отмечено не в одном документе⁹. У казаков сложилась своя ориги-

⁵ «Kronika Marcina Bielskiego». Т. II. Sanok. 1856, str. 882.

⁶ «Которые козаки в верху Днепра и с наших сторон ходят водою на низ до Черкас и далее и што там здобудут, с того со всего воеводе киевскому десятое мают давати», — читаем в грамоте от 1499 г. великого князя Литовского Александра. «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией». Т. I. СПб. 1846, стр. 170.

⁷ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. II. Киев. 1896, стр. 295.

⁸ S. Grondski. Op. cit., p. 21.

⁹ См. «Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов» (далее АЮЗР). Ч. VI. Т. I. Киев. 1876, стр. 45—47; ч. VII. Т. II. Киев. 1890, стр. 368.

нальная социальная организация. Каждый казак, член казацкой громады (общины), формально имел равное со всеми другими право на пользование как пахотной землей, так и другими угодьями, а также право участвовать в радах (сходках). На таких радах решались все важнейшие дела и выбиралась старшина — атаманы, судьи, писари. Богатые казаки, опираясь на свое экономическое превосходство и влияние, уже с самого начала захватили старшинские должности, власть в казацких громадах.

Постоянная опасность, угрожавшая казакам со стороны как польских и литовских феодалов, так и татар, заставляла их всегда держать оружие в руках. Быть казаком значило не только вести хозяйство на вольной земле; каждый казак должен был за свой счет нести военную службу: охранять селение, участвовать в походах. Таким образом, в основу социальной организации казачества были положены следующие принципы: отрицание крепостничества; формальное равенство в праве пользования хозяйственными угодьями, принадлежавшими общине; право участия в органах самоуправления. Появление казачества на Украине имело большое политическое значение. Наличие в стране такого слоя населения, как казачество, которое самим фактом своего существования демонстрировало возможность обходиться без феодалов, оказывало революционизирующее воздействие на угнетенные массы, прежде всего на закрепощенное или закрепощаемое крестьянство. Отсюда понятна и та ненависть, с которой феодалы и феодальное государство бросились уничтожать казачество. Не последнюю роль при этом, конечно, играло стремление, подсказываемое потребностями развивавшегося фольварочного хозяйства, захватить освоенные казаками земли.

Феодалы устремились в степи, идя по пятам казаков. А правительства Литвы и Польши, поощряя панскую колонизацию, легализовали ее жалованными грамотами, выдаваемыми магнатам. Под натиском шляхты часть казаков отступила к югу, в низовья днепровских притоков Роси, Тясмина. Тут, в окрестностях Корсуня, Канева, Черкасс, казацкое население стало резко увеличиваться. В представлении многих современников эта часть Украины начинает выступать как настоящий казацкий край. Быть казаком стало означать жить где-то в районе Черкасс. Да и самих казаков, а потом и вообще население Восточной Украины в официальной и неофициальной русской речи начинают именовать черкасами, или черкасцами. Занимая юго-восточные и южные окраины Украины, казачество, подобно живой стене, защищало Литву и Польшу от грабительских набегов турецко-татарских захватчиков. И в этом отношении его заслуги особенно велики. Натиск шляхты был настолько сильным, что уже в первой половине XVI в. значительная часть казачества утратила свободу: или оказалась на положении феодально-зависимого (или полузависимого) сельского и городского населения, или составляла отряды панских «служебников», или несла сторожевую службу в великокняжеских пограничных крепостях. Другая же, наиболее вольнолюбивая часть казачества, отступила на юг, за знаменитые днепровские пороги. Конечно, все это происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы. В 1536 г., например, в Черкассах вспыхнуло бурное восстание, жестоко подавленное литовскими властями. После этого многие казаки ушли из пределов Черкасского и Каневского староств, одни из них — к русской границе, другие — за днепровские пороги. Борясь с казачеством, старосты запрещали как переход населения за пороги, так и выход оттуда «на волости» — государственную территорию Литвы.

3. Образование Запорожской Сечи

За порогами лежал край, изобиловавший плодородными почвами, тучными пастбищами, рыбой, зверем, птицей, солью. Вместе с тем колонизация этих мест представляла огромные трудности. С одной стороны, днепровские плавни были очагом опасной лихорадки, вредоносной мошкары, с другой — колонисты оказывались лицом к лицу с враждебным кочевым татарским населением. Кроме того, эта местность была почти отрезана от остальной Украины: двигаться степью было сложно из-за отсутствия дорог и опасения стать добычей кочевников, а путь по Днепру был не менее опасен из-за порогов. Несмотря на неблагоприятные условия колонизации, за порогами уже в начале XVI в. (а может быть, и раньше) появилось казацкое население. Так, в 1527 г. хан Сагиб-Гирей жаловался литовскому правительству на каневских и черкасских казаков,

которые «становятся» по Днепру у самых татарских кочевий. В этих местах основываются «уходы» — промыслы: рыбные, охотничьи, пасеки, места соледобычи¹⁰. Продукты промыслов — рыба, пушнина и другие товары вывозились на «волости»¹¹. Феодалы с нескрываемым вождедением взирали на освоенные казаками богатые угодья за порогами. Здесь, таким образом, как раньше на Среднем Поднепровье, столкнулись два колонизационных потока: шляхетский в лице магнатов, по преимуществу старост юго-восточного пограничья, и народный, представленный низовыми, или запорожскими, казаками. Особенно энергичные притязания на эти места проявляла администрация соседних староств. Каневское и Черкасское староства превратились в своего рода плацдарм для наступления на Запорожье. В 30-х годах XVI в. управление ими было поручено князю М. А. Вишневецкому, одному из крупнейших землевладельцев Литвы. При нем наступление на Запорожье усилилось. Однако запорожцы успешно отбивали попытки шляхтичей утвердиться в их владениях. Не удалось им выманить казаков из Запорожья и разными обещаниями.

Не меньшей была и другая опасность, постоянно угрожавшая запорожцам, — нападения турок и татар. Последние беспрестанно разоряли «уходы» и забирали в плен казаков. Естественно, казаки не оставались в долгу: на пограничье не прекращались столкновения. Опасность, подстерегавшая казаков с двух сторон, заставила их с самого начала заботиться об устройстве укреплений — «городков», или сечей. Первое упоминание о существовании у казаков укреплений за порогами оставил Мартин Бельский. «Эти люди, — писал он в своей хронике, — постоянно заняты ловлей рыбы на низу (на Днепре и его притоках. — В. Г.), там же сушат ее на солнце без соли». Прожив тут лето, казаки «расходятся на зиму по ближайшим городам, как, например, Киев, Черкассы и др., оставив на острове, на безопасном месте, на Днепре, лодки и несколько сот человек на коше (на korzeniū), как они говорят, при стрельбе, так как имеют у себя и пушки, взятые в турецких крепостях и отбитые у татар»¹². На том основании, что раздел «О казаках» помещен в хронике М. Бельского вслед за описанием событий 1574 г., некоторые историки относят это сообщение к 70-м годам XVI века. С этим нельзя согласиться. Дело в том, что раздел «О казаках» включен автором в хронику в качестве самостоятельного очерка и стоит вне хронологической последовательности повествования: он объединяет события, относящиеся к различным периодам. Доказательством тому может служить то, что казаки, как говорит Бельский, в зимнее время возвращаются с «низу» в Киев, Черкассы и другие города. Между тем о свободном возвращении казаков в староства можно говорить лишь по отношению к периоду, предшествовавшему восстанию в Черкассах в 1536 году. После восстания в Черкасском и Каневском староствах установился режим, исключавший свободный приход туда из Запорожья. Из этого также следует, что где-то в четвертом десятилетии XVI в., во всяком случае, до восстания в Черкассах, за порогами уже существовала организация, представленная «кошем». Оставшиеся на «коше» казаки составляли гарнизон, располагавший пушками, лодками.

Основание «коша» за порогами следует считать не чем иным, как образованием Запорожской Сечи. Разумеется, это произошло не сразу. Прежде чем объединиться в одну Сечь, казаки оказывали сопротивление врагам отдельными группами, привязанными к различным «городкам», или сечам. Такие мелкие сечи были в разных местах, в том числе, весьма вероятно, на Хортице, занимавшей важное для обороны положение у последнего порога. Бельский не только сообщает о существовании казачьего «коша» за порогами, но указывает также и место, где он находился. К югу от острова Хортицы, говорит он, расположен другой остров, «называемый Томаковкой, на кото-

¹⁰ Опись черкасского замка от 1552 г., кроме «уходов», расположенных у порогов, называет и «уходы» за порогами — у Томаковки, Базавлука, Аргачика и даже Тавани. Казаки «уставичне (постоянно) там живут на мясе, на рыбе, на меду з пасек, сапетов (рыбных промыслов) и сытят там себе мед, яко дома». АЮЗР. Ч. II. Т. I. Киев. 1861, док. 15, стр. 103.

¹¹ «А когда з уход за ся вверх идут, ино з добычи их берет староста вить (пошлину) осьмую часть: з рыб, з сала, з мяса, з кож и зо всего». Там же, док. № 14, стр. 85 и др.

¹² «Kronika Marcina Bielskiego». Т. III. Sanok. 1856, стр. 1358. Выражение «на korzeniū» некоторые авторы переводят словами «в курене».

ром чаще всего живут низовые казаки и который служит им, по существу, сильнейшей крепостью на Днепре»¹³. Остров Томаковка (около г. Марганец, Днепропетровской области), названный позднее Буцким, или Городищем, находился несколько ниже Хортицы и господствовал над окрестностями. Томаковка представляла собой прекрасное естественное укрепление. Остров Томаковку и можно считать местом, где была основана Запорожская Сечь как организация казачества, обитавшего за порогами.

С образованием Запорожской Сечи украинский народ обрел мощную опору в борьбе против крепостничества, национального гнета, нашествий турок и татар. Она будила у него протест против разных форм угнетения. С образованием Запорожской Сечи, писал К. Маркс, «дух казачества разлился по всей Украине»¹⁴. Образование Запорожской Сечи было грозным предостережением для феодалов Великого княжества Литовского. В 1533 г. черкасский староста Е. Дашкевич представил Петровскому сейму проект сооружения крепостей на днепровских островах. Если, с одной стороны, эти крепости должны были служить форпостами в борьбе против турецко-татарских вторжений, то с другой — их гарнизоны предполагалось противопоставить казакам, а также обеспечить панскую колонизацию местностей у днепровских порогов. Однако на сооружение таких крепостей в великокняжеской казне не оказалось средств. Поэтому борьбу за обладание пограничными землями вели магнаты. Князья Язловецкие, Вишневецкие, Пронские и многие другие со своими отрядами предпринимали экспедиции в глубь стениных территорий. Часто такие отряды доходили до самого Очакова. Наступление магнатов на Запорожье еще более усилилось в 40—50-х годах XVI столетия. В 1541 г. Каневское и Черкасское староства были переданы сыну М. А. Вишневецкого Ивану, а после смерти Ивана — его старшему сыну Дмитрию.

Политическая деятельность князя Дм. Вишневецкого и обстоятельства, при которых он погиб, получили немалый резонанс в исторической литературе. Такие видные представители буржуазной историографии, как И. П. Костомаров и многие другие, считали Дм. Вишневецкого основателем Запорожской Сечи. При этом все чаще стала выдвигаться версия, что Дм. Вишневецкий и герой известной украинской народной думы казак Байда — одно и то же лицо. М. С. Грушевский в статье, специально посвященной Дм. Вишневецкому, писал: «Украинский магнат, князь, наследник старорусских традиций княжеского дружинного уклада, становится духовным отцом новой плебейской украинской республики (Сечи. — В. Г.)». М. С. Грушевский объявил Дм. Вишневецкого непримиримым врагом «правящих и имущих... который... строил новую Украину без хлопа и без пана»¹⁵.

Кем же в действительности был Дм. Вишневецкий? Ответ на этот вопрос дает его биография. Не прошло и двух лет после получения Вишневецким Черкасского и Каневского староств, как он летом 1553 г. покинул Литву и направился в Турцию, к султану Сулейману II. Какую цель преследовал Вишневецкий, отправляясь в Стамбул, и каковы были результаты его поездки? Из источников известно лишь, что в Турции Вишневецкий находился примерно полгода, где, как он сам рассказывал, султан благосклонно принял его и щедро одарил. Это дает основание для следующего предположения: Вишневецкий, прекрасно понимая, какую угрозу султан и крымский хан усматривали в запорожском казачестве, мог предложить им себя в качестве человека, который способен обуздать запорожцев, положить конец их походам на турецкие и крымские владения. Это предположение подтверждается письмом Сигизмунда II Августа от 2 мая 1557 г., посланным крымскому хану Девлет-Гирею. Король писал, что Вишневецкий «больше будет схилен людям вашим и недопустит козаков шкоды чинити улусом и чабаном Цесаря его милости Турецкого, познавши ласку и жалованье (от него)»¹⁶. Вернувшись в 1554 г. в Литву, Вишневецкий снова становится черкасским и каневским старостой.

Через два года, в марте 1556 г., на территории Черкасского староства появился

¹³ «Kronika Marcina Bielskiego». Т. III, str. 1359.

¹⁴ К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 107.

¹⁵ М. Грушевский. Байда-Вишневецкий в поезії и історії. «Записки» українського наукового товариства в Києві. Київ. 1909, стор. 139.

¹⁶ «Книга Посольская. Метрика Великого княжества Литовского». Т. I. М. 1843, док. 88, стр. 139.

русский воинский отряд под начальством дьяка Ржевского, который должен был проинформировать о глубокой разведке в районе татарских кочевий. Вишневецкий присоединил к Ржевскому отряду своих служебников под начальством атамана Млинского (он же Мина). Ржевский с людьми Вишневецкого не только продвинулся в глубь татарских кочевий, но дошел до Очакова и взял его штурмом. После этого Ржевский вернулся в пределы Русского государства, а служебники Вишневецкого — в Черкассы. Чем следует объяснить этот на первый взгляд очень непоследовательный по отношению к Крыму (вассалу Турции) шаг Вишневецкого? Дело в том, что Вишневецкий, желая обосноваться на запорожских землях, надеялся на помощь Крыма и его могущественного сюзерена. Но такой помощи не последовало. Поэтому он стал считать себя свободным от обязательств по отношению к татарам и их покровителям — туркам. Своей же услугой Ржевскому он поставил себя в положение союзника Русского государства.

Летом 1556 г. Вишневецкий с отрядом служебников отправился за пороги и построил на Малой Хортице замок. В сентябре того же года он извещал русское правительство, что крепость на Хортице построена, и одновременно просил Ивана IV, чтобы тот его «пожаловал, велел себе служить». В ответ на это из Москвы на Хортицу немедленно были отправлены дети боярские О. Щепотев и П. Ртицев «с опасною (секретной. — В. Г.) грамотою и з жалованьем». Одновременно Вишневецкий сообщал Сигизмунду II Августу, что царь намеревается строить замки как у самых крымских владений, так и на Днепре, в устье р. Псла, чтобы теснить его, Вишневецкого. Он просил великого князя Литовского прислать ему служебников и пушек, а также разрешить приехать в столицу. Сигизмунд II Август с удовлетворением принял известие о появлении крепости на Хортице, которая должна была играть свою роль в борьбе с татарами. Но главное назначение ее заключалось в борьбе с Запорожской Сечью. Эту последнюю мысль и подчеркнул король в своей переписке с крымским ханом (1557 г.). Задача Вишневецкого, писал король, состоит в том, чтобы он «козаков гамовал (усмирал. — В. Г.), а шkodити не допустил»¹⁷. Одобрив постройку Хортицкого замка, Сигизмунд II Август в то же время не разрешил Вишневецкому приехать в столицу и не прислал ему ни пушек, ни людей.

Тогда Вишневецкий решил действовать на собственный риск. 1 октября 1556 г. его служебники (участвовал лично Вишневецкий в этом походе — неизвестно) внезапно напали на Ислам-Кермен (в низовьях Днепра), ворвались в крепость, захватили несколько пушек и вывели их на Хортицу. Нападение на Ислам-Кермен вызвало бурную реакцию в Крыму. С наступлением весны 1557 г. Девлет-Гирей с огромным войском подступил к Хортице. Однако все усилия взять замок оказались тщетными. Хан вынужден был снять осаду и вернуться в Крым. Но вскоре положение Вишневецкого резко изменилось к худшему. Когда в конце лета хан с войском снова появился у Хортицы, Вишневецкий ушел в Черкассы. Татары до основания разрушили Хортицкий замок. Из Черкасс Вишневецкий обратился с письмом к Ивану Грозному. Он просил разрешить ему приехать в Москву. Разрешение было получено, и осенью того же 1557 г. Вишневецкий уже был в Русском государстве. Иван IV взыскал Вишневецкого «великим своим жалованием»: дал ему г. Белев, много сел под Москвой, 10 тыс. руб. (около 500 тыс. руб. золотом по курсу 1913 г.) «на проезд», не говоря уже о дорогом платье. Во время своего пребывания в Русском государстве Дм. Вишневецкий совершил ряд походов против турок и татар¹⁸. Эти походы угрожали осложнить русско-турецкие отношения и привести к войне Турции против России. Между тем еще в январе 1558 г. началась война России с Ливонией, состоявшей в военном союзе с Литвой. В Литве шли приготовления к выступлению против Русского государства. При создавшемся положении Вишневецкий решил возвратиться в Литву. 5 сентября 1561 г. Сигизмунд II Август выдал охранную грамоту, разрешавшую Дм. Вишневецкому вернуться в Черкассы. В этой грамоте сообщалось, что Вишневецкий возвращается из Русского государства, «справы выведавши», то есть собрав там секретные

¹⁷ Там же, стр. 40.

¹⁸ Ch. Lemerrier-Quellejau. Un condottiere lithuanien du XVIe siècle. «Cahiers du monde Russe et Soviétique». Vol. X. 2e cahier. P. 1969. Эта интересная статья основана на документах, недавно извлеченных автором из государственных архивов Турции.

сведения¹⁹. В это время взоры литовских и польских шляхтичей были обращены на Молдавию, где шла династическая борьба. Один из претендентов на молдавский трон, Гераклид, обратился за помощью к магнату Ласкому, а тот, в свою очередь, вступил в соглашение с Дм. Вишневецким. Набрал отряды, Лаский и Вишневецкий пришли в Молдавию. Вскоре, впрочем, Вишневецкий, соблазненный противником Гераклида Тимшей (Тимша обещал посадить его самого на трон), покинул Гераклида и попал в ловушку. Его отряд был уничтожен Тимшей, а сам он схвачен и отправлен на расправу в Стамбул. Осенью 1563 г. султан приказал предать Вишневецкого мучительной казни. Таков политический облик Дм. Вишневецкого, которого никак нельзя признать основателем Сечи и предводителем запорожского казачества²⁰.

4. Общественный строй Сечи

В XVI в. украинскому казачеству, появившемуся на Подолии, Киевщине, Черкасщине и Левобережье, не удалось создать политической организации государственного типа. Такая организация возникла лишь за днепровскими порогами с появлением Запорожской Сечи²¹. При этом Запорожская Сечь принципиально отличалась от феодально-крепостнических государств. Среди социальных институтов, лежавших в основе Сечи, не было ни феодальной собственности на землю, ни крепостничества, ни сословного деления. Правда, тенденции к установлению феодальных порядков появились и на Запорожье. Но это произошло уже позднее, в XVIII в., когда Сечь утратила свою независимость и испытывала сильнейшее влияние феодально-крепостнических отношений, господствовавших тогда в России. В социальных отношениях на Запорожье феодальное принуждение было заменено принципом найма. Эксплуатация, разумеется, оставалась. Запорожская Сечь никогда не была обществом равных в социально-экономическом отношении людей, ни тем более военно-монашеским орденом с коллективной собственностью на все основные виды имущества, как утверждали многие дворянские и буржуазные историки. Социальная структура запорожского общества была довольно сложной, в особенности к концу существования Сечи. Господствующим слоем на Запорожье было богатое казачество — «владельцы челнов» (по свидетельству австрийского посла Э. Дясоты), рыбных промыслов, богатые скотоводы, торговцы, а позднее, с развитием земледелия и других хозяйственных отраслей, — владельцы крупных «зимовников» (хуторов), водяных мельниц, чумацких обозов.

Богатому казачеству противостояла серома, или голода, — бедняки, лишенные всякого имущества и крова. Серома снискивала себе пропитание работой по найму у богатей или службой в сечевом гарнизоне. Между этими двумя полярно противоположными классовыми группами — богачами и серомой — стоял слой мелких собственников, особенно дифференцировавшийся в последний период, в Новой Сечи (1734—1775 гг.). Из среды богатого казачества выделилась правящая верхушка — старшина. В ее руках находились администрация, суд, войско, финансы. Она же представляла Запорожскую Сечь во внешних сношениях. Запорожской Сечи был присущ отчетливо выраженный демократизм: все старшины были выборными, причем в выборах, вообще в деятельности войсковой рады могли принимать участие все казаки. На радах обычно и сталкивались интересы разных социальных групп казачества, что придавало таким собраниям бурный характер. Отмечая демократические черты политической организации запорожского казачества, К. Маркс называл Сечь «казацкой республикой»²².

Возникнув в обстановке ожесточенной борьбы с литовскими, польскими, украинскими феодалами, а также с татарами и турками, Запорожская Сечь долго отстаивала свою независимость, суверенитет. Литовское и польское правительства, а позднее

¹⁹ АЮЗР. Т. II. СПб. 1865, док. 142, стр. 155—156.

²⁰ Интересно в этом отношении заключение, к которому пришел Ш. Лемерсье-Келькеже. «Похоже на то, — пишет он, — что... в войске Вишневецкого вовсе не было или же было очень мало запорожских казаков» (Ch. Lemerçie-Quelquejau. Op. cit., p. 279).

²¹ Данный вопрос, применительно главным образом к русским казачьим областям, освещен в статье И. Г. Рознера «Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв.». «Вопросы истории», 1970, № 8.

²² «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 154.

правительство Речи Посполитой, не имея возможности разрушить Сечь, демонстративно отказывались юридически признать ее. Тем не менее в трудных для себя обстоятельствах они не только вступали с Сечью в официальные отношения, но и обращались к ней за помощью. Искали помощи Сечи и европейские правительства. Так, в 1594 г. в Сечь прибыл австрийский посол Эрих Лясота. Австрийский император Рудольф II стремился заключить с Сечью военный союз против Турции. Известны неоднократные посещения Сечи представителями русского правительства, рассматривавшего Сечь (главным образом до 1654 г.) как независимую сторону. Дипломатические связи с Сечью поддерживали крымское, турецкое и другие правительства.

Бесперывные войны с татарами и турками, а также стремление польского правительства изолировать Запорожье от центральных районов Украины препятствовали народной колонизации этих богатых мест. Запорожье в XVI—XVII вв. оставалось мало заселенным краем. Там обычно проживало всего несколько тысяч, иногда несколько десятков тысяч казаков. Главным хозяйственным занятием их были промыслы и скотоводство. Однако ни малая заселенность территории, ни относительно неразвитая хозяйственная база не помешали Запорожской Сечи стать политической организацией государственного типа. Это объяснялось рядом причин, прежде всего необходимостью для богатого казачества подавлять классовый протест серомы, вообще трудового казачества, и потребностью борьбы с усиливавшимся на Украине крепостническим и национальным гнетом, а также с татарско-турецкой агрессией. Своеобразие этой «казацкой республики» заключалось в том, что здесь не развились все институты, свойственные государствам того времени. В Запорожской Сечи не было, например, писаного права.

Рост борьбы народных масс Украины и усиление магнатов после Люблинской унии 1569 г. (акт слияния Великого княжества Литовского и Королевства Польского в одно государство — Речь Посполитую) побудили королевскую власть искать новую опору. Было решено создать на Восточной Украине войско, но такое, на содержание которого казна не тратила бы средств. С его помощью король надеялся сразу разрешить несколько задач: подавлять народные движения, в том числе выступления запорожского казачества, сдерживать своеволие магнатов и охранять границы государства с юго-востока. В 1572 г. Сигизмунд II Август повелел сформировать казацкий отряд в 300 человек. Этих казаков вписали в специальный реестр (список). Набирали в реестр главным образом зажиточных крестьян королевских имений и мелких украинских шляхтичей. Реестровые казаки освобождались от отбывания повинностей, получали право земельной собственности и так называемый «присуд», то есть право иметь свой суд и управляться своей старшиной. За эти льготы они должны были отбывать службу за собственный счет. В виде поощрения правительство посылало им иногда небольшие денежные суммы и сукна. В 1578 г., при короле Стефане Батории, реестр был увеличен до 500 человек.

После организации реестрового войска правительство стало признавать казаком только того, кто был вписан в реестр. За всеми другими власти не признавали не только казацких прав, но и самого названия «казак». Реестровцы обязаны были отбывать службу в Южном Поднепровье, по преимуществу за порогами. Тут, на пограничье, они обязывались выставлять залого (гарнизон). Реестровое войско стало именоваться в официальных актах «Войском Запорожским». Называя так реестровцев, польское правительство хотело подчеркнуть, что никаких других казаков, прежде всего принадлежащих к Запорожской Сечи, оно не признает. Таким образом, с этого времени существовало два войска, каждое из которых называлось «Запорожским». Современники, чтобы избежать путаницы, стали именовать вольное казачество за порогами «Войском Запорожским низовым». Хотя реестровые казаки считались сословной группой, за которой закон закреплял определенные права и преимущества, в действительности это было далеко не всегда так. Старостинская администрация и местная шляхта не признавали за ними казацких прав, заставляли отбывать разные повинности, платить всевозможные сборы, отнимали имущество, подвергали их таким же притеснениям и унижениям, как и своих подданных. Сплошь и рядом нарушались и права казацкой старшины, которую старосты и шляхта всячески игнорировали, ущемляли ее экономические интересы: стесняли в праве торговать, держать промыслы, корчмы. Что же касается правительства, то оно всегда придерживалось одной политики: когда появля-

лась нужда в войске, оно призывало крестьян вступать в реестр, а когда такая нужда исчезала, исключало новых казаков из списков.

Все попытки польского правительства использовать реестровое казачество против своего народа были безуспешны. «Казакоем воевать (против украинского народа. — В. Г.) — все равно, что волком пахать», — говорили современники. Во время крестьянских восстаний конца XVI — первой половины XVII в. крестьян всегда поддерживали не только запорожцы, но и основная масса реестровцев. Со своей стороны, выступая против угнетателей, крестьяне требовали признать за ними права реестровых казаков. За расширение реестра боролись и сами реестровые казаки. Уже в начале XVII в. в реестре фактически числилось несколько тысяч казаков. Безуспешными были и попытки польского правительства обратить реестр в орудие борьбы с Запорожской Сечью. Реестровые казаки, отбывавшие пограничную службу за порогами (часто у последнего из них, на о. Хортице), находились в постоянном общении с запорожцами, предпринимали совместные походы на татар и турок.

5. Военный быт казаков

Все на Запорожье, в особенности в ранний период Сечи, служило целям обороны. Начать хотя бы с того, что и сама Сечь была прежде всего крепостью. Возникшие первоначально на о. Томаковке центральные укрепления Сечи затем неоднократно переносились. Наиболее продолжительное время существовали Старая Сечь и Новая Сечь. Старая Сечь, разрушенная в 1709 г., находилась на острове Базавлуке, расположенном в том месте, где (до сооружения Каховской плотины) в Днепр вливались три его притока — Чертомлык, Подпольная и Скарбная, вблизи современного села Капуловки, Днепропетровской области. Базавлук напоминал прямоугольный треугольник, стороны которого имели около двух километров в длину.

Сечевые укрепления состояли из земляного вала с деревянным палисадником наверху. В зимнее время, чтобы превратить остров в неприступный, на реке делали проруби. Когда они покрывались тонким слоем льда, их засыпали снегом. Врага, пытавшегося подойти к острову по льду, ждала тут неотвратимая гибель. Вал и палисад с башнями и являлись, собственно говоря, крепостью. Из бойниц ее грозно глядели жерла пушек. Такой приблизительно вид извне имела и Новая Сечь, находившаяся на р. Подпольной, в трех километрах от Старой Сечи, и отличавшаяся от нее тем, что стояла не на острове, а над входом имела колокольню. Посреди крепости простиралась площадь, где собиралась войсковая рада. Вокруг площади располагались войсковые учреждения — канцелярия, пушкарня (она же тюрьма), дома старшин, кузницы и другие мастерские, погреба, склады, конюшни. На площади находились литавры (род бубна) и столб, у которого карали преступников. Наконец, по краям площади, по кругу, стояли низкие продолговатые здания, сделанные из обмазанных глиною плетней и покрытые камышом, — курени (позднее курени строились из бревен). В куренях жили казаки, составлявшие сечевой гарнизон, а иногда и новоприбывшие в Сечь беглецы.

Подступы к Сечи охранялись сторожевыми вышками, выдвинутыми далеко в степь. Казак, стоявший на вышке, внимательно всматривался в расстилавшуюся перед ним даль. Заметив врага, он зажигал ворох сухой травы или хвороста, вскакивал на стоявшую внизу оседланную лошадь и мчался к ближайшему такому же наблюдательному пункту. Такие посты в XVIII в. носили название бекетов (пикеты). Пламя и вздымавшийся к небу столб дыма были вестниками приближавшейся опасности. Этот знак передавался от вышки к вышке, и вскоре все население узнавало о появлении врага. К юго-западу от Базавлука русло Днепра резко расширялось (до 7 км). В этом месте Днепр был усеян множеством больших и малых островов, болотистых, покрытых густыми зарослями камыша. Многочисленные извилистые проходы между ними представляли собою настоящий лабиринт, опасный для любого неприятеля. Пушки, скрытые в камышах, ожидали врага. Тут же на лодках сновали казацкие дозоры. Весь этот архипелаг вместе с построенными на островах укреплениями получил название «Войсковой скарбницы». В скарбнице стояла войсковая флотилия. Здесь же, по преданию, запорожцы прятали войсковую казну (скарб) и другие ценности. Доступ в скарбницу был закрыт для посторонних. Боплан писал: «Рассказывают, что в Войсковой скарбнице скрыто казаками в каналах множество пушек, и никто из поляков

не знает этого места, ибо они никогда не бывают здесь, а казаки, в свою очередь, держат это в тайне, которую знают только немногие из них». В Войсковой скарбнице нашло себе могилу много вражеских судов. Там, по свидетельству Боплана, «погибло немало турецких галер, которые... заплутавшись между островами, не могли отыскать дороги, между тем как казаки в своих лодках безнаказанно стреляли по ним из тростников. С этого времени галеры не заходят в Днепр дальше 4—5 миль от устья»²³.

Запорожское войско низовое делилось на курени, число которых увеличивалось по мере роста самого казачества. В период Новой Сечи их насчитывалось тридцать восемь. Названия куреней заставляют думать, что в первые времена заселения этого района каждый курень объединял выходцев из одной местности. Это вполне естественно. Беглец, попавший в новую для него среду, искал земляков и присоединялся к ним. В результате этого появились такие названия куреней, как Каневский, Корсунский, Уманский, Переяславский, Полтавский, Батурицкий, Динской (Денской) и другие. Курень представлял собой прежде всего военно-административную единицу. Каждый казак мог приписаться к тому куреню, к которому желал, независимо от места жительства. Все повинности, связанные с отбыванием военной службы, казак выполнял от своего куреня. Куренной атаман назначал казака в «очередь», определял его место и род службы как в мирное, так и в военное время. Курень пользовался известным самоуправлением: казаки избирали куренного атамана. Он соединял в своем лице власть военачальника, судьи, распорядителя имущества и хранителя кассы. Доходы самоуправления: казаки избрали куренного атамана. Он соединял в своем лице в аренду строения под лавки и мастерские, из царского жалования, хлебного и денежного, которое стали выдавать войску после воссоединения Украины с Россией, из военной добычи (она играла известную роль лишь в ранний период существования Сечи).

Жили казаки в сечевых куренях, которые представляли собой низкие и темные продолговатые здания, своего рода казармы. Не менее убогой была их внутренняя обстановка. Посредине стоял длинный некрашеный стол с узкими скамьями по сторонам, вдоль стен тянулся дощатый помост, на котором спали вповалку по многу человек. По словам С. Мышецкого, обычной пищей в курене была саламата. Ее варили «из муки ржаной с водой густо... на квасу или рыбной ухе». Если казаки хотели улучшить свой стол, то должны были в складчину покупать на рынке мясо или рыбу. «Печеного обыкновенного хлеба, — добавлял Мышецкий, — никогда в куренях не бывает»²⁴. Изображая быт куренных казаков, современники Новой Сечи обращали внимание на такую деталь: в каждом курене была товарищеская трубка. Она представляла собой большой сосуд, разукрашенный бляшками, с рядом отверстий. Желавший насладиться курением табака подходил к трубке и вставлял в отверстие длинный чубук.

Одни казаки несли службу в самой Сечи, другие охраняли границы «Вольностей», третьи служили в войсковой флотилии и т. д. На службу казак должен был являться с собственным вооружением, снаряжением, одеждой и запасом продовольствия (хотя бы на первое время). Все это требовало известных расходов, которые были под силу лишь казакам, имевшим свое хозяйство. Казацкая голота оказывалась неспособной нести службу за свой счет. Но и богатое казачество старалось всячески уклониться от службы. Так возникло явление, весьма характерное для позднейшего периода истории Сечи: состоятельные казаки посылали на службу вместо себя наемников. Такого наемного казака хозяин должен был снабдить всем необходимым, а также платить ему деньгами. Хотя богачи, как и все остальные, тоже были заинтересованы в защите Запорожья, своекорыстные, однако, брали верх: они старались сократить до минимума расходы на оплату и содержание наемников, отправляли казака на службу на негодных лошадях, с плохим вооружением, в ветхой одежде.

Оружие запорожских казаков отличалось крайним разнообразием. Приблизительно до середины XVII столетия еще употреблялся лук, но уже с XVI в. он вытесняется самопалом, все время совершенствовавшимся. Казаки были превосходными стрелками. Современники свидетельствовали, что «стреляют они без промаха». Из холодного оружия у каждого запорожца было копьё, а у конника, кроме того, и саб-

²³ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. II, стр. 318—319.

²⁴ С. Мышецкий. История о козаках запорожских. М. 1847, стр. 15 сл.

ля. Она подвязывалась к поясу двумя узкими ремнями. Распространены были также боевые ножи, кинжалы, келепы (род боевых молотов). Копьями пользовались при переходе через тонкие места. В этих случаях они складывались в виде решетки, на которой делали настил из самых разнообразных предметов, бывших под рукой. Боевые доспехи в виде шлема и панциря, распространенные в XVI—XVII вв. в европейских армиях, редко употреблялись казаками. Порох и пули носили в кожаных сумках или в патронташах (чересах).

Борьба против крепостничества и национального угнетения, тяжелые условия жизни, постоянная военная опасность выработали у казаков определенные моральные и физические качества. Казаки отличались любовью к свободе, мужеством, бесстрашием, стойкостью, выносливостью, находчивостью, способностью к самопожертвованию. Патер Окольский (первая половина XVII в.), которого никак нельзя заподозрить в симпатии к казакам, отмечал: «Хотя среди казаков нет ни князей, ни сенаторов, ни воевод... зато есть такие люди, что если бы не препятствовали тому составленные против плебеев законы, то среди них нашлись бы достойные называться равными по храбрости Цинциннату... или Фемистоклу». Другой современник, Боплан, писал: «Казаки смыслены и проныцательны, находчивы и щедры, не стремятся к большим богатствам, но больше всего дорожат своей свободой, без которой жизнь для них немислима». По Боплану, все казаки — «высокого роста, отличаются силою и здоровьем», «очень редко умирают от болезни, разве только в глубокой старости; большинство их оканчивает жизнь на поле битвы»²⁵. Казаки легко переносили голод и жажду, зной и стужу. Они могли долгое время находиться под водой, держа во рту полую камышину.

Во время войны казаки часто довольствовались одними сухарями и саламатой. Употребление спиртных напитков в походе считалось большим преступлением. «Казаки отличаются большой трезвостью во время походов и военных экспедиций... — свидетельствовал Боплан, — если же случится между ними пьяный, начальник приказывает (речь идет о морских походах. — В. Г.) выбросить его за борт»²⁶. Отвага казаков приводила в изумление современников и вызывала уважение даже у врагов. Турецкий летописец Наима (XVII в.) так отзывался о запорожцах: «Можно уверенно сказать, что нельзя найти на земле людей более смелых, которые бы так мало заботились о своей жизни и так мало боялись бы смерти». Стойкие пехотинцы, лихие наездники, искусные пушкари, бесстрашные моряки, запорожские казаки создали самобытное военное искусство. Запорожцы отличались своим умением строить полевые укрепления. Отправляясь в поход, говорит современник Я. Собеский, они брали с собой топоры, лопаты, веревки и прочее. Обычным укреплением были шанцы (окопы) с высокими земляными валами. Когда условия не позволяли рыть окопы, казаки устанавливали табор из возов. В этом случае опрокидывали возы, связывали или сковывали их цепями, обратив оглобли в сторону неприятеля «наподобие рогатки для того, чтобы не допустить... [врага] к самим повозкам». При длительной осаде возы засыпали землей. Засевши за таким «валом», казаки отбивались от нападавшего противника. По свидетельству Боплана, в таком таборе сотня казаков могла противостоять натиску тысячи воинов²⁷.

Запорожцы отличались большой изобретательностью в военном деле, пускали в ход разные хитрости. Инсценировав, например, бегство из лагеря, они ожидали, когда враг бросится грабить оставленное ими имущество, а затем внезапно нападали на него. Часто вокруг лагеря устраивались разного рода тайники и «волчьи ямы», в дно которых вбивали колья с обращенными вверх острыми концами. Окольский заметил, что польские шляхтичи, осматривая казацкий лагерь в 1638 г. (после заключения мира), не могли надивиться тому, какие были придуманы там «военные хитрости, засады, тайники и ловушки». Пораженные неутомимостью казаков, они отмечали, как велико различие между воином, который от плуга и сохи беретса за меч, и тем, кто никогда не занимался ручным трудом; первые не только неутомимы в работах, но от тяжелого труда становятся способнее еще к более тяжкому, между тем как последние

²⁵ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. II, стр. 243—244, 302—303.

²⁶ Там же, стр. 304.

²⁷ Там же, стр. 230, 303.

тотчас же «изнемогают». Богатый боевой опыт запорожского казачества служил для народных масс Украины тем родником, откуда они черпали высокие образцы военного искусства.

6. В борьбе за свободу

К концу XVI в. крепостнический и национально-религиозный гнет на Украине резко возрос. Усилилась также опасность со стороны турок и татар. Одним из важнейших опорных пунктов польских магнатов в Восточной Украине стала в то время Белая Церковь. Эта крепость, далеко выдвинутая в степь, должна была препятствовать бегству недовольных в Запорожскую Сечь и выходу казаков «на волость» (территорию Речи Посполитой). Во время рождественских праздников 1591 г. небольшой отряд запорожских и реестровых казаков неожиданно напал на Белую Церковь. Руководил отрядом Крыштоф Косинский, избранный казаками гетманом. При поддержке крестьян и мещан казаки овладели крепостью. Падение ее всколыхнуло окрестное население. Крестьяне изгоняли шляхтичей и управителей, объявляли себя свободными — казаками — и поголовно вооружались. Пламя восстания быстро разгоралось. Вслед за Белой Церковью пало Триполье, затем Переяслав. В 1592 г. восстание охватило уже значительную часть Левобережья и Волыни. Встревоженные событиями на Украине, в Речи Посполитой стали лихорадочно собирать силы для разгрома повстанцев. Против них выступил киевский воевода князь В. К. Острожский.

В начале 1593 г. многочисленная шляхетская конница, подкрепленная наемной пехотой, двинулась к казацкому лагерю под Острополь. Стояла суровая зима. Повстанцы — пехота по преимуществу — страдали от жестоких морозов, недостатка пищи, нехватки оружия. В глубоко промерзшей земле трудно было рыть окопы. Тем не менее повстанцы проявили исключительное мужество и стойкость. Это показало и кровопролитное сражение в начале февраля 1593 г. под местечком Пяткой, продолжавшееся целую неделю. Большие потери принудили Острожского вступить в переговоры. Договор, заключенный 10 февраля 1593 г., обязывал реестровых казаков устранить от гетманства Косинского, содержать на Запорожье постоянный гарнизон (для борьбы с запорожцами и татарами), вернуть в крепости захваченное там оружие, исключить из реестра всех, кто вступил в казаки во время восстания, и т. п. Характерно, что от имени казаков договор был подписан именно Косинским, на выдаче которого шляхтичи так упорно настаивали. Это свидетельствовало об их страхе перед казаками. Повстанцы, со своей стороны, пошли на соглашение из-за тяжелых условий, в которых они очутились. Кроме того, Косинский надеялся, что прекращение военных действий позволит ему отвести основные силы на Запорожье, чтобы приготовиться там к новому выступлению.

Действительно, отступив на Запорожье, казаки начали готовиться к новому походу. Теперь планы их были уже более широкими. Некоторые польские современники утверждали, что Косинский со своим войском просил царя принять украинские земли под власть России и что из Москвы в Сечь были посланы деньги и припасы, в которых казаки испытывали острую нужду.

Летом 1593 г. казацкое войско во главе с Косинским выступило из Сечи и вскоре осадило Черкассы. Староста А. Вишневецкий с войском и сбежавшейся в город шляхтой оказался запертым в крепости. Между тем с появлением запорожцев на «волости» восстание вновь стало разрастаться. Боясь попасть в руки повстанцев, А. Вишневецкий вступил в переговоры с ними. Он рассчитывал вероломно убить Косинского и тем самым обезглавить восстание. Так и вышло. Прибывший для переговоров в Черкассы Косинский был предательски убит. Это ослабило восстание, но отнюдь не прекратило его. Осенью того же года волна восстания захлестнула почти все Поднепровье. Повстанческие отряды подступили к Киеву. Шляхта в панике стала разбегаться из города, «не желая, — по ироническому выражению киевского епископа Верещинского, — испить с киевскими властями того пива, какого они наварили». Повстанцы осадили Киев. Именно в это время было получено известие о нападении татар на Сечь. Польское правительство давно уже подстрекало крымского хана к походу на Запорожье. Теперь, воспользовавшись уходом казаков на «волость», татары бросились на

Сечь. Небольшой казачий гарнизон оказал мужественное сопротивление, но был вынужден отступить. Сев ночью на лодки, казаки отплыли вверх по Днепру. Татары разрушили все сечевые укрепления. Весть об этом заставила казаков снять осаду Киева и поспешить на Запорожье. Вскоре после этого восстание было жестоко подавлено. Однако спокойствие, добытое магнатами потоками крови, как это показали дальнейшие события, было обманчивым.

Запорожское казачество принимало самое активное участие в народных восстаниях XVI—XVIII вв., направленных против крепостнического и национального угнетения. Отмечая выдающуюся роль Запорожья в многовековой героической борьбе украинского народа за свободу, Н. В. Гоголь писал: «Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину»²⁸. Действительно, трудно назвать сколько-нибудь значительное выступление народных масс Украины, застрельщиком или участником которого не были бы запорожцы.

Весной 1594 г. по Украине распространилась весть о готовящемся нападении татар. Передавали, что многочисленное татарское войско вскоре вступит на Подолию, чтобы затем отправиться по приказу султана в Молдавию. Нападение татарских орд грозило неисчислимыми бедствиями народным массам. Тревога охватила также магнатские и шляхетские круги. Обеспокоен был и крупнейший восточнороссийский магнат, князь К. В. Острожский. Сдержан и отбить натиск татар могло лишь крупное войско, а собрать его в короткий срок не было возможности. В эти полные тревоги дни мужественный и решительный сотник надворных казаков князя Северин Наливайко обратился к своему патрону со следующим предложением: «Собрать по возможности больше товарищества (из казаков, крестьян и мещан.— В. Г.) и отправиться с ним туда, где в этом будет наибольшая нужда».

Острожский охотно согласился. Сбор войска шел более чем успешно. В апреле Наливайко уведомлял князя: «По милости божьей товарищества собралось уже немало, при этом таких людей, которые привыкли жертвовать не только своим временем, но и жизнью»²⁹. Своих казаков — их было около 2—2,5 тыс. человек, набранных в большинстве из сельской и городской бедноты, — Наливайко расположил в имениях брацлавской шляхты. Разумеется, шляхте это не могло нравиться. Однако опасность, грозившая со стороны татар, заставила ее до поры до времени мириться с присутствием казаков. В начале лета на Подолии появились татарские отряды, но, встретившись с казаками Наливайко, поспешно повернули в Молдавию. Казаки преследовали их и в числе других трофеев захватили около 4 тыс. лошадей. Слухи о поражении татарского войска достигли Молдавии и Валахии, где начались народные восстания против турецкого господства.

²⁸ Н. В. Гоголь. Соч. Т. II. М. 1951, стр. 70.

²⁹ «Listy St. Żolkiewskiego (1584—1620)». Kraków. 1868, str. 64, 65.

(Окончание следует.)